

...На лестничной площадке пятого этажа, чуть выше его, на крошечном пространстве с низким потолком, заставленным мебельным хламом,— там, откуда уводила короткая, в шесть ступенек, лестница к чердачной двери, сидел в продавленном кресле мужчина. Затаившись здесь в темноте, он время от времени пил водку из горлышка бутылки и поджидал того, кто должен был прийти в его квартиру, чтобы спать с его женой. Так как свет мог помешать ему в осуществлении его плана, то человек обесточил подъезд, разбив в первом этаже выключатель, подававший свет сразу на все этажи. Человек опасался того, что на лестничную площадку или сюда, наверх, могут в любое время выйти соседи ещё из трёх квартир на площадке, в двух из которых соседи были заядлыми курильщиками. Сам он тут частенько курил, стряхивая пепел в баночку из-под кофе, которые рядком стояли вдоль стены; в них же и хоронили окурки. А затем шустрая бабёнка, убиравшая этажи, опорожняла баночки и собирала разбросанные неаккуратными курильщиками окурки.

Фамилия у него была Горюнов.

В этом кирпичном доме сталинской постройки на лестничной площадке было четыре квартиры. Его квартира была первая от лестницы с левой стороны, а справа, напротив, жил Богомолов—с женой и двумя девочками-погодками. В квартире соседа, судя по звукам, оттуда, из-за дверей, доносившимся, ещё не спали. Слышались какая-то возня, скрип половиц и изредка ещё какие-то непонятные домашние звуки. Вот уж Горюнов не думал никогда, что у них такая слышимость даже за двойными дверями и кирпичными стенами старого дома! Вот уж не думал и не гадал, что наступит в его жизни когда-нибудь такой день, когда он будет сидеть под дверью собственной квартиры и поджидать любовника его жены!

Сидел он здесь уже больше двух часов и время от времени курил. И теперь, закулив и выпустив дым после нескольких затяжек, он тут же подумал о том, что тот, кого он ждет, наверное, должен быть осторожен, он может учуять запах свежего табака, что-то заподозрить и пойти на попятный. Ведь пришелец будет пробираться к дверям в чужую квартиру, к замужней женщине, ночью, и поэтому

вряд ли ему захочется, чтобы его увидел какой-нибудь курильщик, живший по соседству. А может, он совсем не только страх, но и всякую осторожность потерял и думает, что ему тут нечего опасаться?

Но курить хотелось ему терпимо, и Горюнов, который был высокого роста, пригибаясь, поднялся по ступенькам ещё выше, к самой чердачной двери, сделал несколько быстрых глубоких затяжек и тут же придавил сигарету о стену и бросил её на пол. Затем вернулся в своё кресло, достал из-за пазухи начатую бутылку водки и сделал ещё несколько глотков...

В подъезде стояла тишина. Жильцы, досмотревшие свои сериалы и развлекательные телепрограммы, успокаивались и готовились ко сну. А многие уже спали.

Вдруг внизу хлопнула железная дверь. Горюнов замер и понял, что это он. И правда, спустя несколько секунд на лестнице послышались шаги поднимающегося наверх человека. Горюнов даже слышал его дыхание. Поднимался человек уверенно, несмотря на темноту. Вот пришелец взобрался на пятый этаж, слышалось его учащённое дыхание от подъёма на пятый этаж, вот он уверенно нащупал на стене кнопку звонка, позвонил. «Сволочь, уже давно проторил сюда дорожку!— подумал Горюнов.— Нашёл хорошую, тёплую лунку у бездетной замужней бабы!»

И тотчас же из-за двери послышались быстрые и, как ему даже показалось, радостные шаги его резвой жены—лыжницы-чемпионки с её стремительной походкой; вот звякнул замок, и дверь отворилась. В дверном проёме обозначился слабый свет из прихожей, показалась её рука, когда она, отворяя дверь, пропускала его в квартиру. И ещё Горюнов увидел большой полиэтиленовый пакет в руке, который гость держал в руках. «На ночь пришёл, сука! Целый пакет притащил еды и выпивки!»— догадался Горюнов.

И злоба, и ревность, и обида, и ненависть мигом выросли в его душе в такой ком, что тотчас же хотелось закричать, застучать в двери и наброситься на гостя. Он быстро слетел со ступенек на площадку, подбежал к двери, прислонил ухо к двери. — Милый, милый! Я так ждала тебя! Почему ты так поздно?— услышал он голос жены.

— Задержался на работе, — пошлышался за дверью мужской голос. — И пока пешком добрался до тебя... Машину так и не поставил пока на колёса... — А твоя уехала?

— Да, сегодня уехала к матери.

Голоса ещё слышались — и мужской, и женский, но уже тихо, и слов было не разобрать — жена, вероятно, закрыла вторую дверь. В их доме двери в квартирах были двойными и массивными. За дверью слышался только счастливый смех жены, и Горюнова остро кольнула и ранила обида: при нём жена никогда так счастливо не смеялась. Он никогда не слышал у неё такого радостного смеха!

Потом и голосов не стало слышно, только слышалась какая-то возня, как будто кто-то елозил по двери, опирался телом на неё. «Всё ещё стоят в прихожей, — определил Горюнов. — Но почему они так долго молча стоят в прихожей? — подумал он. — Целуются, наверное! Конечно, целуются! И тот, пришелец, привалился к двери или жену прислонил к двери и теперь целует её!»

И Горюнова снова охватила тяжёлая ревность, злоба и ненависть от этого жуткого обмана, от этой раскрытой им самолично тайны. Значит, правы были соседи: жена его гуляет и в его отсутствие приводит в дом любовника! Жена Маша, которой он так верил! Единственная его Маша!

Одна только мысль о том, что сейчас этот пришелец целует, обнимает тело его жены, трогает её грудь, а потом потащит её в постель, на его кровать, довела его до приступа бешенства. Он сжимал кулаки от ярости и с трудом сдерживал себя, чтобы не застучать в дверь. Как запросто и невинно она обманывает его! И как подло она предала его, когда так честно и правдиво глядела ему в глаза, собирая в последнюю поездку! Как заботливо укладывала в его сумку еду и всё, что ему нужно в дорогу! Она укладывала, не подозревая того, что он уже всё знал, уже соседи говорили ему; он уже знал, что вернётся из рейса раньше положенного срока, чтобы не просто устроить ей проверку, а застучать её с поличным.

Горюнов вернулся наверх и закурил уже в открытую, затем достал из-за пазухи бутылку и сделал ещё несколько глотков. Но мысль о вошедшем в его квартиру любовнике жены не давала ему покоя. Его разрывало то соображение, что теперь этот мужик, попав в его дом, чувствует там своё превосходство над ним, Горюновым. Городок маленький, все друг друга знают, и наверняка этот гадильщик знает, что тут, в этой квартире, живёт он, Горюнов, а Маша — его законная жена. Ещё бы — он спит с его женой, женой обманутого Горюнова! И это длится, наверное, не один месяц! Обманутый муж, в постели которого спят чужие мужчины, в которую без зазрения совести впускает жена... такая родная, такая милая жена, которой он, от природы недоверчивый к женщинам, так доверял!

Ей единственной из всех женщин доверял! О, эта вечная горькая насмешка над мужьями счастливых любовников! Зачем теперь жить? И как жить, когда предают самые лучшие люди на свете? Зачем теперь дом, осквернённый женой? Уж лучше не жить, а уйти навсегда в тайгу. Звери — они никогда не поступают так подло, как поступают люди — эти лживые, коварные двуногие особи.

Но он сдержал себя, только мычал от невыносимой муки и кусал губы, и скупые слёзы стыли в уголках глаз, не скатываясь по щекам. С трудом, но сдержался, так как у него был план. Если теперь он своими глазами видел, как жена впустила в квартиру чужого мужчину, то он хотел и надеялся заставить их в постели, чтобы уличить наверняка, поймать их на месте, так сказать. Но для этого придётся высидеть здесь немало времени — час-другой-третий...

Но он высидит здесь столько, сколько нужно, для того чтобы отомстить обоим!

Несколько раз он спускался вниз, выходил во двор и смотрел на окна, чтобы увидеть, горит или не горит в них свет.

Только через два с лишним часа свет в окнах его квартиры погас — стало быть, легли спать. Он ещё выждал какое-то время — шёл уже третий час ночи. Наверное, пора. Горюнов снял ботинки перед дверью, чтобы ступать неслышно, сунул пригтовленный свой ключ в английский замок, открыл дверь, потянул её на себя. К счастью для него, она не скрипнула. Осторожно, чтобы не клацнул замок, поставил его на предохранитель, а дверь запер осторожно на задвижку. Осторожно открыл вторую дверь, которая никогда не запиралась, так как замков на ней не было. Дохнуло устоявшимся теплом, родным запахом дома, милого дома, который опоганила жена, предавая его. В родной дом он пробрался, как вор, и крадётся, как вор, на цыпочках! Он уже тут лишний, уже ненужный!

Он ещё немного постоял у порога, прислушиваясь к звукам в квартире: спят или нет? Может, легли, но ещё не спят? Только бы не спугнуть их раньше времени!

Но голосов из спальни не было слышно. Тогда, светя фонариком, Горюнов осторожно пробрался в кухню, где на столе увидел сыр, сервелат, полбутылки коньяка, шампанское в бутылке, опорожнённое на две трети, яблоки, нарезанный и обсахаренный лимон, виноград, — и всё это лежало в тарелках из красивого семейного китайского сервиза с синими рисунками зверей, который доставался из серванта только по праздникам. «Ишь ты, гадюка, как гостя-то дорогого встречает! — с горестной усмешкой подумал он. — Даже сервизные тарелки вытащила! И шампанское стала лакать, хотя терпеть его не могла!»

Эти факты озлобили его ещё сильнее. Он сел на стул и, светя фонариком, зажатый под мышкой,

осторожно отстегнул замки деревянного чехла, достал ружьё. Оно было уже готово к стрельбе, оба ствола были им предварительно заряжены патронами двенадцатого калибра. Взял курки и злорадно усмехнулся при этом, подавляя в себе остатки жалости. Он представил, как оба ужаснутся, изумятся, как будут метаться, лопотать что-то в своё оправдание. Но нет — никакой жалости к осквернителям его очага!

Затем он выключил фонарик, чтобы нечаянно не разбудить и не спугнуть светом спавших в спальне любовников. Держа ружьё в правой руке, Горюнов, осторожно ощупывая стену левой рукой, двинулся по коридору к спальне. Вот поворот налево, и он свернул и сделал ещё два шага в глубь длинного коридора... В нём с правой стороны — дверь в спальню. Она была открыта, но завешена портьерой.

Свет в спальне уже не горел. «Спят уже, голубки, натешились!» — злорадно и горько усмехнулся Горюнов.

Он осторожно отвёл стволom портьеру, застыл на пороге. Было тихо и темно. Постоял немного, вглядываясь в темноту и привыкая к ней. Мелькнула мысль: зажечь свет, чтобы увидеть их? Или осветить фонариком? И представил, как же они всполошатся, если он сейчас зажжёт свет!

II.

Горюнов был сильный, бесстрашный человек, опытный таёжник. Он много времени проводил в тайге, состоял в обществе охотников и ежегодно пользовался лицензией на отстрел медведя и копытных животных. И удача сопутствовала ему чаще, чем неудача. Он не боялся крови, так как немало убивал животных и видел, как они истекают кровью. И сибирскую тайгу он любил больше, чем город, в который его забросила судьба и в котором он не находил никаких радостей, чего-то для себя важного. И при всякой возможности старался из него вырваться. Работал Горюнов машинистом тепловоза и водил грузовые поезда. Он любил дорогу, это молчаливое передвижение по пространству, когда отдыхает душа, любил перестук колёс, мелькание домов, домишек, стожков сена в полях, берёзок, елей и кедрочей, когда ехали по тайге; любил ветерок, задувающий с посвистом в открытое окно, — любил эту дорожную музыку для одиноких душ, не обременённых излишней мыслью. Тут только, в дороге, в любимой работе, не считая тайги и таёжной жизни, была отрада его жизни и отрада его души.

И в помощники он себе выбрал такого же молчуна — молодого парня по фамилии Григорьев. За всю шести-семичасовую смену в одну сторону до пункта назначения, а затем обратно — ещё шести-семичасовую смену, они едва ли обменивались десятком-другим слов. И в гостиницах, где отдыхали,

а зачастую ночевали в ожидании обратного рейса, тоже молчали.

Маша вышла за него тридцати пяти лет от роду, будучи женщиной бездетной, не побывавшей даже в коротком замужестве. А ему тогда было сорок три. Прожили они семь лет. Сошлись они без особой надежды на детей. Горюнову нравилось в Маше то, что в ней было много мужского, даже во внешности: крупный нос, сухое тело спортсменки-лыжницы, стремительная походка, резкие движения, угловатость; нравились её короткие волосы, сильные руки, крепкое пожатие. И никогда он не слышал, чтобы она сплетничала. Нравилось то, что в тайге, когда он иной раз брал её с собой, она была своим человеком, не терялась, не пугалась тайги, не боялась темноты, справлялась с палаткой и с лодочным мотором, с костром, водила автомобиль и могла сварганить кашу едва ли не из топора. Нравилось и то, что она не красилась. Это нравилось Горюнову в особенности. Не красилась жена совсем, не подкрашивала сухих губ, ресниц, бровей, не накладывала на лицо пудры и теней, не отращивала ногти. Нравилось именно то, что в ней мало было «бабского», как все эти «косметические штучки» называл Горюнов. Он любил в ней ещё ту особенность, что она потела, когда работала, он любил вкусный запах её пота, Это был запах его жены, который он узнавал сразу — так зверь узнаёт запах своей самки. Но именно это свойство стремятся заглушить в себе женщины, прыскаясь различным парфюмом, который раздражал его мужицкую натуру рыбака и таёжника. И Горюнов тихо радовался тому, что ему так повезло: когда ему уже перевалило за сорок, он после неудачного первого брака и пятнадцатилетней жизни бобыля наконец-то обрёл подругу жизни, хозяйку в своём доме, во всём или почти во всём устраивавшую его.

Жили они без особенной любви, но с приязнью. Горюнов был скуп на ласку, на похвалы, а тем более на комплименты, в которых, впрочем, его жена, скорее всего, не нуждалась. Нравилось ему и то, что Маша молчала, когда он пил или приходил пьяным, никогда не упрекала и не ворчала, молча принимала его выпивки, а случалось — короткие запои. Они сошлись, когда у каждого из них на жизненном горизонте было немного шансов найти себе пару. Резкую, грубоватую с наполовину мужским характером и складом ума Машу обходили вниманием мужчины, и она уже смирилась со своим одиночеством, с судьбой безмужней, бездетной женщины, которой остаётся только радоваться или завидовать чужому счастью и избыток нерасстраченной нежности отдавать животным или чужим детям. А то ещё заняться какими-нибудь общественными делами, устройством чужих жизней, как это обыкновенно бывает у бездетных женщин.

Та сторона жизни, которая была у жены отдельно от него, Горюнова мало интересовала. А это

были её лыжные прогулки, соревнования по лыжам ветеранов лыжного спорта, на которые она время от времени ездила и в них участвовала, затем походы в бассейн и нечастые девичники с двумя-тремя подругами.

III.

Маша работала на городской ТЭЦ прибористкой. «Киповцы» — так их ещё называли на станции. Работа была посменная. Накануне к Маше подошла её подруга Нина Чупрова — молодая, хорошенькая сорокалетняя женщина, с густыми тёмными длинными волосами, кареглазая, круглолицая, улыбчивая, с амочками на щеках.

— Машенька, твой ещё не вернулся из командировки? — спросила она.

— Нет, завтра жду к вечеру.

— Подменимся, а?

— Когда?

— В ночную. И ключи дашь?

— Нет, не дам! Мне завтра мужа встречать. Он в последнее время стал что-то подозревать.

— Ну Машенька, — умоляла её Нина. — Это в последний раз. Честное слово! Машенька, у нас юбилей, годовщины! Уже три года...

— Уже три? Как же быстро время летит! Я вас поздравляю!

— Мы завтра квартиру снимаем, нам уже обещали.

— До завтра ещё дожить нужно, — как-то отстранённо и отчуждённо проговорила Маша, словно бы думала о чём-то постороннем и не житейском.

— Доживём, куда мы денемся! — уверяла её Нина.

— Ох, подставьте вы меня! Завтра муж вернётся, у него звериное чутьё, — всё ещё не соглашалась Маша.

— Мы, как всегда, Машунь, уберём, отмоем, со своим бельём! Утром нас как ветром сдует!

— Ладно, что же с вами делать! Пользуйтесь, пока я добрая!

— Ой, Машка, как же я тебя люблю! Что бы мы без тебя делали?

Это тянется уже несколько месяцев. Маша завидовала этой парочке, которая пользовалась её сердобольностью. Завидовала по-хорошему чужому счастью, пусть даже и ворованному, так как Нина и Сергей, её любовник, имели свои семьи. Несколько месяцев пользовались они её уступчивостью и добротой. Городок был небольшой, снять квартиру считалось большой удачей, а остаться вдвоём от чужих глаз всяких разных доброхотов тоже непростое. Отдав ключи в те дни, когда муж уезжал в командировку, и подменившись, она иной раз провожала со смены эту влюблённую парочку грустным взглядом бездетной, постаревшей, недолюбленной женщины, в доме которой никогда не раздадутся детские голоса и детский смех. Вот так бы и ей возвращаться со своим любимым вместе со смены, потом

вернуть в детсад и забрать детей или встретить их в Доме творчества, бывшем Доме пионеров, где они посещали бы какие-нибудь кружки, а потом по дороге заглянуть в супермаркет, спросить и мужа и детей: «А что мы сегодня будем ужинать?» А дома, по давнему устоявшемуся распорядку, включить телевизор, накормить детей и мужа, поужинать, дождаться любимого сериала, побыть с детьми, уложить их спать, проверить уроки, а то ещё взяться за недочитанную книгу... Счастье — оно такое простое, такое доступное и состоит из ежедневных забот, из ласкового взгляда мужа или слова, из мысли, что у детей всё хорошо и что на работе всё хорошо. Много ли нужно для простого, обычного женского счастья?

И хотелось ей любви, которой никогда не было в жизни и которой так и не удалось почувствовать. Такой же вот, как у Нины и Сергея, у которых глаза светятся и, наверное, душа поёт, когда они смотрят друг на друга. Разве им откажешь? Когда смотришь на счастливых, влюблённых людей, на их нежную, трепетную любовь, всегда кажется, что в твоей жизни этого нет, и в душу закрадывается грусть о чём-то несбывшемся, о том, чего в твоей жизни никогда уже не будет, о том, что время уже упущено, а там и старость не за горами... И смешно ведь... Иной раз Маша шла вслед за ними до супермаркета и сталкивалась с ними в магазине. Они шли от проходной как бы порознь, но неподалёку друг от друга. Вся станция, да и, пожалуй, чуть не весь город знает о любовной связи электрика Сергея Сычёва и прибористки Нины Чупровой. От кого и что тут скроешь? Пожалуй, и в их семьях — и для её мужа, и для его жены — это не секрет. Уже донесли, нашептали им доброхоты, да и у супругов глаза, наверное, есть... Сейчас оба войдут в супермаркет и там будут ходить по торговому залу как бы порознь, по отдельности, а затем как бы случайно сталкиваться в каких-нибудь отделах, где якобы обоим что-то нужно, заполнять корзинки — впрочем, заполняла корзинку только Нина, а Сычёв для вида купит что-нибудь по мелочи — бутылку пива, хлеба, пряников, сухарей чай пить дома или на смене... До последней минуты не хотели расставаться друг с другом, всё оттягивали возвращение домой, в свои семьи. А потом, рассчитавшись в кассе, прощались друг с другом у входа одними глазами и жестами — так это было заметно со стороны!.. Только совсем слепой не увидит эту любовь, эту теплоту в их взглядах, эту сердечную привязанность. Вот пришла к этим двоим любовь, и они ничего не могут поделать с собой, их неотвратимо тянет друг к другу. И, казалось бы, зачем же им расставаться? Жить бы да жить им вместе. И, глядя на них, наверное, можно было посетовать на судьбу, на её каверзы и превратности оттого, что те возлюбленные, которым хорошо вместе, хорошо

двоём и им бы не нужно расставаться,—они всё равно расстанутся, вынуждены расставаться и идти туда, в дома и семьи, где, быть может, их уже не любят, им не рады, их не ждут, к ним давно охладели или оравнодушили, а то ещё встречают с упрёками, попрёками, окриками. Куда уходит любовь? Почему она не удерживается в семье? Почему люди охлаждаются друг к другу? Почему люди не дорожат любовью?

А о себе Маша с грустью думала, что любовь обошла её стороной, проглядела она её, всё некогда было, спорт, он многое забирает, особенно если он профессиональный, всё время сборы, тренировки, соревнования, личная жизнь и рождение детей отходят на второй план, а потом оказывается, что тебе уже тридцать, за тридцать, а вот уже и тридцать пять стукнуло, и твой суженый где-то прошёл мимо, проглядела его, не увидела, не до того было... Но всё же ей грех жаловаться, у неё есть муж, хоть и без любви сошлись, но уж, видимо, когда женщине к сорока годам идёт, о любви думается меньше, чем когда-то в молодости, и меньше, чем хотелось бы... Может быть, остывает и холодеет душа? Или уже нет такой острой потребности в любви или в совместном сожительстве только по любви, как когда-то в молодости? Вдобавок ко всему спортсменки — «бабы специфические», как шутил один знаменитый лыжник, большой юморист. Им ли привередничать?

А муж, Горюнов, был нелюдим, одиночка, охотник, рыбак, его не переделаешь, да это и невозможно, и ненужно. Уж какой есть... Другого-то всё равно не дал Бог... Дома он бывал мало, не любил гостей. Он не знал слов, проникающих в женское сердце и ласкающих его. Дети, быть может, могли бы удержать его дома подольше, но детей Бог им не давал, Маша не беременела, и Горюнов, у которого тоже не было детей от первого брака, очень страдал от этого, хотя ни слова никогда не говорил об этом и виду не показывал. Маша, как могла, сглаживала эту семейную пустоту и горькое одиночество в квартире, когда мужа не было дома, читала книги, сидела в Интернете, засыпала с работающим телевизором...

IV.

...Горюнов ещё какое-то время стоял в дверном проёме, всматриваясь в темноту и прислушиваясь.

— Кто тут? — вдруг спросила глухим, незнакомым со сна голосом жена, которая, словно бы сторожевая собака, скорее почувствовала человека в доме, чем увидела его. — Кто здесь?

Жена села в постели, свесив ноги на пол. Резко белело в темноте её тело.

— Это я, твой муж! — ответил Горюнов, с ехидством отцеживая каждое слово. — Пришёл к тебе с последним любовным приветом!

Жена резко поднялась, и тотчас же Горюнов выстрелил в белевшую её силуэт из одного ствола выстрелом опытного охотника. Выстрелил скорее интуитивно, чем зряче, поддавшись на её спешное движение в его сторону, упреждая все её возможные мольбы и оправдания. Прежде он хотел увидеть их обоюдное унижение, хотел увидеть её растоптанной, а её любовника — умоляющим о пощаде, и боялся сжалиться и дрогнуть. — Это тебе за весь твой блуд, сука! Подыхай вместе со своим хахалем! — проговорил он.

Он видел, как она упала спиной на кровать, сражённая свинцом с близкого расстояния. Упала молча, раскинув руки, без единого звука, а ноги её оставались на полу. Жизнь, вероятно, прекратилась в ней сразу, как только свинец впился в тело. Но на какие-то мгновения раньше её падения проснулся от выстрела мужчина — тот, который лежал рядом с ней, вернее, за ней, на широкой двупальной кровати.

— Ты кто? Ты что? — вскочив на кровати во весь рост, закричал он истошно от испуга, от неожиданности, от ошеломляюще громкого для такого маленького помещения звука выстрела и от запаха пороха, который, вероятно, сразу же ударил его по ноздрям — так зверя ударяет по ноздрям запах пороха и уже излившейся из его тела крови. Закричал и от того ещё неведомого, но страшного, которое так внезапно ворвалось в тихий ночной уют и покой этой спальни и постели, этой квартиры, этого дома и подъезда и грозило чем-то непоправимым...

Гость сделал шаг в сторону стрелка, чтобы соскочить с кровати, но Горюнов точным выстрелом из второго ствола попал ему куда-то туда, что он сразу умолк и только, завалившись сверху на жену, захрипел.

— Это тебе за то, чтобы не шлялся по чужим бабам! — прибавил Горюнов.

— Ключи... — донеслось до Горюнова хриплое, горловое клокотанье мужчины. — Ключи...

«Ключи? Какие ещё ключи?» — подумал он.

Горюнов чувствовал совершенное хладнокровие, ни один мускул не дрогнул в нём, как будто бы он был наёмный стрелок, который сделал добротную и правильно порученную или хорошо оплаченную работу. Или как будто бы он вершил суд высшей справедливости.

Он подошёл вплотную к убитым. Но мужчина больше не проронил ни слова.

Горюнов осветил фонариком на него: пуля в самом деле угодила ему в горло, откуда ещё хлестала кровь, заливая постель и лежавшую под ним жену. Он не спешил их осмотреть и зажечь электричество. Он достал из внутреннего кармана куртки свою початую бутылку, сел в кресло и несколькими большими глотками почти опорожнил её, поставил у ног рядом с прислонённым к стене ружьём. И закурил.

Прошло около четверти часа. Было слышно, что ожил подъезд: где-то внизу хлопнула дверь, слышались голоса на площадке. Громкие выстрелы, вероятно, если не переполошили, то разбудили соседей.

Поднявшись, Горюнов нащупал выключатель на стене и хотел зажечь свет, но передумал. Не хотел он видеть всю эту картину при ярком свете лампы. Он достал из кармана фонарик, включил его, затем подошёл к убитым, ухватил мужчину за ещё тёплую, не остывшую руку, чтобы стащить его на пол и взглянуть в лицо жене, — тот, завалившись, накрыл своим телом жену.

И тут вдруг Горюнов увидел, что у лежавшей навзничь женщины были длинные волосы, которые чёрными прядями выбивались из-под лежащего вниз лицом мужчины и резко выделялись на фоне белой простыни. И эта женщина была, что называется, в теле, с плотными широкими ляжками, а у Маши были короткие и светлые волосы и тело худощавое, поджарое, жёсткое. И, стянув мужчину на пол, он окончательно убедился в этом. Залитая кровью женщина была не его жена! Это была не Маша! «Что за чёрт! — промелькнула в нём мысль. — Что это за баба тут взялась?»

И Горюнов понял, что он ошибся. Ошибся жестоко и непоправимо.

И впервые за эти минуты сердце его дрогнуло, и он опешил.

Но что это за люди? Как они попали в его квартиру? Кто их впустил?

От этой жуткой неожиданности у него мигом пересохло в горле и мучительно захотелось пить. Он вышел в коридор, зажгёт здесь свет и отправился в кухню, к холодильнику, надеясь найти в нём что-нибудь холодное — молоко или брусничный сок.

Он нашёл в холодильнике яблочный сок в пакете и в поисках стакана брезгливо стал передвигать на столе тарелки с едой и фруктами. И вдруг рядом с недопитым фужером с шампанским Горюнов увидел ключи. Это были ключи его жены — с круглым кофейного цвета брелоком, на котором было изображение улыбающегося розовощёкого малыша — мечты обоих о ребёнке. Всех ключей было три — один от домофона, а два от дверей. «Так вот оно как вышло! Дала кому-то свои ключи от квартиры!» — догадался Горюнов.

Он вернулся в спальню и, внимательно осмотрев убитых им людей, узнал в них сослуживцев Маши: Нинку Чупрову и Сергея Сычёва.

Он сел в кухне и набрал номер мобильного телефона жены.

— Мария, ты где? — даже не поздоровавшись с женой, спросил он ледяным тоном, который не предвещал жене ничего хорошего.

— Как где? На смене, где же ещё, — услышал он её голос.

— Сегодня же не твоя смена, — в свой ледяной тон Горюнов подпустил ещё и ехидства.

— Меня попросили подмениться, — отвечала ему Маша. — Завтра утром я буду дома. А ты где? Уже едешь домой?

— Я приехал раньше, нашёл твои ключи на столе, приезжай за ними, чтобы они тут не валялись. Они твоим гостям больше никогда не понадобятся, — отвечал он ей своим ледяным ехидным тоном.

— Что ты там натворил? — услышал Горюнов голос жены и прервал разговор.

Жена тут же набрала его номер и потом ещё не раз звонила ему, но он не отвечал на её звонки.

VI.

Прошло ещё какое-то время, для Горюнова неизвестно какое. Он сидел в прихожей на низеньком стульчике и непрерывно курил одну сигарету за другой, ни о чём не думая и тупо глядя перед собой. Ружьё стояло рядом с ним, прислонённое к стене. А за дверью тем временем слышались суета, возня, в неё стучали и стали звонить, и всё громче и неистовее, и он услышал из-за двери как будто бы голос жены Маши:

— Открой, Валера, открой, прошу тебя! Валерочка, миленький, ну открой же!!!

А вскоре зазвонил его мобильник, и на дисплее, когда он телефон достал из кармана и глянул, высветилось имя: Маша. Но он не нажал кнопку отзыва. Только подумал тоскливо: «Эх, Маша, Маша! Вот наша жизнь с тобой и кончилась».

В дверь уже били ногами. Ясное дело, били соседи, а не жена. Но ни выбить, ни вскрыть снаружи эту массивную дверь, закрытую на задвижку, было невозможно.

Удары отвлекли Горюнова от своих мыслей. Он зарядил ружьё двумя новыми патронами. Соседи — эти доброхоты! Им до всего есть дело! Чужая жизнь им в сто раз интересней, чем своя! Будь они все прокляты! Люди называется — хуже зверей!

Он вскинул ружьё и выстрелил в дверь поверху сразу из обоих стволов, чтобы отогнать от двери соседей, без намерения кого-то застрелить.

И тотчас же в подъезде закричали, завизжали бабы, раздалась чьи-то команды, и многолюдство это поразило Горюнова, словно бы проснулся не только весь подъезд, но и весь дом.

А затем всё стихло: наверное, все соседи покинули подъезд или разбежались по своим квартирам, опасаясь, как бы он не вышел в коридор и не начал стрелять по ним. Горюнов всё никак не мог ни на что решиться, только, всё так же сидя в прихожей на стульчике, курил непрерывно сигареты одну за другой, тупо и отстранённо глядя перед собой, соображая, как же теперь быть и что делать.

Миновало ещё какое-то время. Может, час, а может, больше или меньше. Время теперь для Горюнова текло неощутимо. В подъезде уже не

было шума, никто не пытался взломать двери, зато со двора донёлся шум автомобилей, раздавались голоса людей, громкие команды... Тут Горюнов поднялся и, войдя в кухню, подошёл к окну. В просторном дворе мигал сине-красными огнями милицейский автомобиль «Жигули» и стояла пожарная машина с выброшенной лестницей. Вокруг машины суетились люди в робах горчичного цвета и в касках. «По лестнице полезут в окно,—догадался Горюнов.—Стёкла выбьют и влезут в квартиру».

Он зажёл в кухне свет, принёс из прихожей ружьё, пересчитал оставшиеся патроны—их оставалось шесть. Зарядил ружьё двумя новыми патронами, хотя не был уверен в том, что будет стрелять. Затем снова выключил свет и глянул в окно. И тут он увидел, что пожарная лестница упёрлась в стену дома ровно под его окном, а внизу суетились несколько человек.

Он погасил свет и сел на стул, держа в правой руке заряженное ружьё, а в левой—недокуренную сигарету. Как только послышалось приближение поднимающегося по лестнице человека за окном, Горюнов задавил окурки и наставил ружьё на окно.

И вдруг от сильного удара каким-то предметом вылетело стекло в одной раме. Горюнов изготовился стрелять, но тут неожиданно что-то влетело в кухню, и он почувствовал резкий запах чего-то едкого и жгучего. Невыносимо щипало в носу, едко и нестерпимо ело глаза, из которых сразу же потекли слёзы. И из-за окна крикнули:

—Выходи давай, не дури! Выходи в подъезд без оружия! Жив останешься!

Горюнов выскользнул в прихожую, притворив за собой двери.

Тем временем он слышал, как кто-то влез в кухню, а за ним другой... И на лестничной площадке послышались у дверей голоса людей... И тогда Горюнов перебрался в спальную, где лежали убитые им люди, плотно закрыл двери, сел в кресло и тоскливо подумал: «Пропа я... И людей ни за что загубил... Ни за что ни про что... Эх, Маша, Маша!»

В прихожей уже слышались голоса, в неё из кухни и, похоже, со стороны входной двери, с лестничной площадки, пробрались люди...

Тогда Горюнов снял носок с правой ноги, уставил ружьё в пол, а дуло направил себе в область сердца.

VII.

—Валера, вставай! Да вставай же, Валерочка! Проснись же ты, наконец!

...Горюнов, одетый, спал на диване во второй, меньшей комнате. Он проснулся оттого, что Маша трясла его и даже била по щекам и что-то едкое и нестерпимо вонючее щипало его ноздри. Он поднялся и сел на диване, ничего не понимающий, с отсутствующим взглядом, озираясь по сторонам.

Резко и противно пахло нашатырём, который кто-то подсунул ему под нос. В комнате горел свет.

Хмурый и мрачный со сна и ещё не пришедший в себя, с разлохмаченными волосами, Горюнов исподлобья глядел жёлтыми тигриными глазами на топтавшихся в комнате и дальше—в коридоре, видных через дверной проём,—двух пожарников и милиционера. Сон ли всё это, его продолжение, или он видит людей наяву? Маша, живая, одетая в короткую серую козью шубу, с тревожным, красным от мороза скуластым лицом стояла перед ним на коленях.

—Валерочка, что с тобой? Зачем ты закрылся на задвижку?—спросила она.

—Не знаю, не помню,—мрачно отцебил он ответ.—Ну вот, жив-здоров ваш муж! А вы беспокоились!—проговорил милицейский офицер из коридора.—Только зря окно высадили!

Когда пожарные и милиционеры ушли, Горюнов спросил жену:

—Зачем подсунули мне под нос нашатырь?

—Валера, ты же спал как убитый! Тебя никак нельзя было разбудить! У пожарного был с собой пузырёк с нашатырным спиртом, только так тебя смогли разбудить!

Такое бывало с Горюновым иной раз: уставший и вымотанный в дороге, заснёт после выпитого алкоголя сном медведя, впавшего в зимнюю спячку, и его не добудишься.

—Сколько времени?—спросил он.

—Уже одиннадцать часов. В восемь у меня закончилась смена, и я сразу поторопилась домой...

—Почему так холодно в квартире?—затем спросил Горюнов, поёживаясь.

—Окно же нам выбили, Валерочка... Я вызвала милицию, испугалась за тебя... Я два часа стучала в дверь, думала, что с тобой что-то случилось, а милиция позвонила эмчезсникам. Пожарники взобрались по лестнице, выбили стекло, чтобы влезть к нам через окно,—поясняла Маша.—Холоду напустили, на улице минус тридцать два. Я закрыла окно подушками, но квартира ещё не прогрелась.

Горюнов слушал её с мрачной рассеянностью и как будто бы думал о чём-то своём, морщась и потирая лоб. Слушал, но не слышал её, погружённый в себя, в своё сновидение с ещё свежими и не исчезнувшими образами. Он поднялся, по-прежнему мрачный, словно бы не верящий происходящему, и прошёл в спальню. Маша—за ним. Здесь широкая двуспальная кровать была заправлена коричневым китайским покрывалом, а сверху—одна на другой—подушки. Одна плашмя, а другая—острыми концами в стороны. Горюнов постоял здесь, оглядываясь по сторонам. Жена стояла за его спиной.

—Чего ты ищешь, Валера?—с недоумением спросила она.

—Он лежал здесь,—вдруг проговорил муж.

— Кто?

— Сычёв. А под ним Нинка, твоя подружница... Я убил их обоих. Было очень много крови.

— Да ты с ума сошёл, Валерочка? Очнись же, наконец!

Но он точно не слышал её.

— Где моё ружьё?—спросил он.

— В сейфе, наверное, где же ему ещё быть?

Прошли к его сейфу, который находился в большом встроенном шкафу, куда вела дверь из прихожей. Горюнов зажгёт электричество, открыл створки шкафа для одежды: там, за висевшими старыми пальто, куртками и прочей одеждой, был узкий сейф,—он был заперт и опломбирован его личной печатью, выданной и заверенной в местном отделении МВД.

— Я звонил тебе сегодня?—спросил он.

— Нет, Валерочка.

— А что за шум был в подъезде? Я слышал, как там бабы кричали и визжали.

— Там соседи ниже этажом подрались до крови...

Горюнов всё ещё встряхивал головой, никак не мог отойти от своего мрачного сновидения. Так и стоял он в коридоре, погружённый в себя. А потом прошёл в кухню и сел на стул. Маша стояла около него.

— Дурь страшная снилась,—заговорил он.—Дурь такая, как будто и вправду всё со мной было. Я хотел тебя убить и твоего хахала, думал, ты мне изменяешь. Соседи мне шептали... со всех сторон: мол, баба твоя гуляет... И я его выследил. —Как ты мог поверить в сплетни, Валерочка?

Горюнов подозрительно исподлобья—снизу вверх—глянул на жену.

—Как будто ты у нас такая святоша среди баб! Нинке потакаешь с её хахалем! А где твои ключи, кстати?—со свойственным ему ехидством спросил он.

— Вот они...

И жена достала из кармана шубы ключи. Горюнов увидел те самые ключи жены с круглым коричневым брелоком и с улыбающимся розовощёким малышом, которые он видел во сне лежащими на столе в кухне среди тарелок и фужеров.

Он всё ещё не верил в то, что бывшее с ним и с людьми в его квартире—было лишь сном.

— Я пришёл домой и учуял в квартире чужой запах. Невыносимо воняло чужим мужиком! Я выпил водки и завалился спать, я не спал две ночи. Ты зачем Нинку с Сычёвым пригрела у нас? Ты им дала эти ключи?—спросил он жену.

Маша знала, что лгать мужу, у которого было не только звериное чутьё, но и какая-то нечеловеческая интуиция, было бесполезно и бессмысленно. А хитрить—тем более.

— Прости меня, Валерочка, я давала ключи от квартиры своей подруге. И не один раз. Они утром ушли, наверное, перед тем как ты приехал.

— А-а, вот это уже хорошие новости! Лучше некуда! Ты же знаешь, я терпеть не могу в нашей хате чужих людей! На наше семейное ложе зазвала свою подружницу с её хахалем! Каким местом ты думаешь, баба? Хорошо хоть не к тебе какой-нибудь хахаль заявился!

— Прости, Валерочка... Прости... Ну, ударь меня, если я заслужила! Ударь!

Маша встала перед ним на колени и низко склонила голову, признавая свою вину и изговившись принять удар тяжёлой мужниной руки, хотя он никогда не бил её.

— Глупая баба!—продолжал отчитывать её Горюнов.—Потакать этим блудливым сукам и кобелям! И как тебе самой не тошно потом в постель ложиться?

— Они такие влюблённые, Валерочка! И со своим бельём...—защищалась Маша, не поднимая головы.—Прости меня...

— Влюблённые... со своим бельём...—с ехидством, морщась, отцеживал слова Горюнов.—Мужу и жене изменять в открытую! Нинкин муж ещё доберётся до этого Сычёва! По мне, так он бы уже давно был покойником!

— Я в этом уже убедилась,—тихо произнесла Маша, так же не поднимая головы.

На этом их разборки закончились. Как будто бы Горюнов остыл.

Прежде всего, не откладывая на утро, Горюнов, одевшись, принёс с лоджии запасное стекло, убрал с кухонного стола всё, что здесь было, достал инструмент: стеклорез, линейку, лёгкий деревянный молоточек, чтобы подбивать стекло снизу по разрезу, маленькие гвоздики. Он был намерен тотчас же снять размеры, вырезать стекло и застеклить окно. А Маша, переодевшись в домашнее, убирала с пола и с подоконника осколки разбитого стекла, сметала веником в совок и ссыпала в мусорное ведро. Оба работали молча, без слов. Горюнов был по-прежнему хмур и даже мрачен, и по его дыханию Маша чувствовала, что он ещё не отошёл от всего, не простил её, внутри в нём бродило ещё раздражение. — Неужели ты бы меня убил, Валера?—отложив веник и совок, вдруг тихо спросила Маша, подойдя к нему сзади и обняв его со спины.

Горюнов ничего не ответил. В его звериной натуре не было таких слов, чтобы выразить своё любовное чувство к жене. Он только бросил работу и, обернувшись, обнял жену, крепко прижал её к себе, и скупые слезинки, невидимые для Маши, подкатили к уголкам его глаз. Скупой на слова и ласку, он ерошил её короткие волосы, вдыхая знакомый, родной запах её пота и всей её женской сущности, запах его самки, и, должно быть, только этот запах каким-то особенным целебным ароматом проникал в его сердце и в душу, и мрачное его лицо мало-помалу разглаживалось, а сердце

оттаивало и отмякло. Это была его Маша—живая Маша, его единственная, родная Маша, с любимым, жёстким, сухим телом, знакомым ему на ощупь до каждой клеточки, даже через толстовку, которая на ней была надета.

— Маша, моя Маша... — бормотал Горюнов отходчивым голосом. — Родненькая ты моя... Жёнущка... Чуть не похоронил тебя... Это ты меня прости...

А Маша прижималась к его небритой щеке с уже седеющей щетиной, жалась к его груди— а от Горюнова несло тяжёлым запахом перегара, табака и неистребимым, но таким родным и знакомым Маше запахом солярки.

— Прости, Валерочка, прости меня...

— Но глупая же ты баба! — встrepенувшись, снова вспомнил своё Горюнов. — Вы, бабы, глупый народ... Никакого соображения... И ты только так не делай больше, никогда не делай... Не потакай никому, ты мой характер знаешь...

— Знаю, Валерочка, знаю, — отвечала Маша.

И они так ещё некоторое время стояли, обнявшись, и совсем помирились, а потом занялись каждый своим делом.

...И только спустя какое-то время, когда на Горюнова однажды накатило воспоминание о своём страшном сне-яви, он припомнил историю, которую он подслушал, когда ехал в поезде, в плацкартном вагоне, на боковушке, а по соседству мужик рассказывал случай о том, как любовники взяли ключи у жены, чей муж был в командировке, чтобы позабыться. А тот неожиданно вернулся, открыл двери своим ключом, увидел в прихожей чужую одежду, обувь, достал ружьё и убил их обоих. Думал, что жена привела в их дом любовника.

Их было трое в купе: двое сидели по одну сторону, а третий, который рассказывал, — напротив. Они ужинали и пили пиво, которое принесли с собой в пластиковых бутылках. Горюнов, который прилёг на своём месте, не раздеваясь, поверх

белая, по-походному, как любил спать частенько даже дома, прислушивался к их разговору. В купе было темно, свет горел лишь в проходе рядом с проводником, и Горюнов не видел их лиц и фигур, слышал только их голоса. Он только слышал, как рассказчик шуршал обёрточной бумагой, и видел, что он то и дело вытирал губы и руки полотенцем. — И бабу, и мужика убил? — спросил тот, который сидел у самого окна, напротив рассказчика.

— А то! Сразу обоих и положил! — отвечал ему рассказчик.

— Что же он их не разглядел прежде? — спросил тот же, кто сидел у самого окна.

— Наверное, в темноте дело было, он не стал свет зажигать. А когда свет врубил и увидел, что натворил, то взял и сам застрелился, — шурша бумагой, пояснил ему рассказчик.

— М-да, не знаешь, где смерть свою найдёшь, — ответил на это третий, сидевший всех ближе к Горюнову, в толстом свитере грубой вязки, молчавший до этого времени.

— Случайность всё это, — строил свою версию тот, кто сидел у окна напротив рассказчика. — Сколько случайных смертей на свете! Едешь по дороге, а в тебя по встречной какой-нибудь чёрт пьяный въедет... И — капец всему!

— Это не случайность, мужики, а судьба, рок, если хотите. Случайностей не бывает. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Только ту смерть найдёшь, которая суждена тебе. Да-да, это уж как закон, никем не писанный! Вот дала баба любовникам ключи потешиться, а вышло так, что дала им *ключи от рока*. А рок тут их и настиг.

— Рок, рок... Какой там ещё, к чёрту, рок? — не соглашался с ним тот, кто сидел у окна напротив.

И крепко-накрепко запомнились Горюнову эти странные, не совсем понятные слова мужчины-рассказчика из плацкартного вагона: «*ключи от рока*». Как будто бы ключи могут быть виновниками чьей-то смерти.